

УДК 133.2:7.038.6

Татьяна Власова
(г. Днепрпетровск)

КРИЗИС ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАРРАТИВАХ И ДИСКУРСАХ ПОСТМОДЕРНА

Взаимодействие «Я» с различными проектами личности базируется на нормах особого интерпретативного «репертуара». Рефлексивное «Я» («Self») определяется как процесс, в котором гендерная идентичность конструируется посредством рефлексивного порядка «сэлф»-нарративов.

Ключевые слова: идентичность, гендер, «сэлф», нарратив, перформативность, цитация, репрезентация, «gaga» – феминизм.

Драматические изменения в мировой культуре, политике, экономике за последние десятилетия не могли не затронуть смысловую структуру личности – как женщины, так и мужчины. Исследователи отмечают: последнее вызвано тем, что сложные трансформации социальной реальности уже не поддаются объяснению с помощью традиционных бинарных оппозиций «культура – природа», «публичное – частное», «рациональное – эмоциональное», «мужчина – женщина» [1]. Стремясь показать, как гендерная идентичность «работает» в повседневных социальных условиях нашего времени, многие ученые руководствуются методологией социального конструирования гендера (Р. Коннел, И. Гофман, Р. Хоф, К. Уэст, М. Киммел и др.). Объяснение, как правило, состоит в том, что эссенциалистский подход к «природе» женщины потерял свою продуктивность в силу определенного изменения традиционных половых ролей, низвержения монументализма «Вечной женственности» [5]. Некоторые ученые-феминисты обращаются к разработке методологических приемов «относительного эссенциализма», согласно которому «сущность» женщины является не константой, а отношением к исторической социально конструируемой категории [10]. Многие исследователи гендера, не отказываясь от эссенциально фемининного как области, подавляемой мужским доминированием, акцентируют внимание на том, что в методологии

эссенциализма можно найти методы и ценности для построения общества гендерного равенства. Знаменитая феминистка с марксистским уклоном Г. Спивак, оспаривая эссенциализм с позиций деконструктивизма, утверждает, что «женщина», как и любой другой термин, может обрести свое значение только в сложной серии дифференциаций, главное в которой – «мужчина» [9].

Проблема гендерной идентичности, уходящая корнями во французскую феминистскую теорию Э. Сиксу, М. Виттиг, Л. Иригарэ, Ю. Кристевой, стала, как известно, предметом исследования в классическом труде феминистского канона «Гендерном беспокойстве» Дж. Батлер. Один из главных вопросов, поставленных в этой книге, звучит следующим образом: «Что можно подразумевать под идентичностью и какие основания имеет презумпция, что идентичности самоидентичны и продолжают существовать в течение времени, будучи неизменными, унифицированными и внутренне связными?» Признавая то, что проблема характеристик идентичности почти всегда базируется на вопросе о том, какая характерная черта личности утверждает непрерывность или самоидентичность индивида в течение времени, Дж. Батлер задает следующий вопрос: «В какой степени «идентичность» – скорее нормативный идеал, чем дескриптивная черта опыта? Каким образом регуляторные практики, управляющие гендером, также управляют культурально интеллигибельными понятиями идентичности?» [3, с. 22–23]. Один из выводов Дж. Батлер состоит в том, что понятие, которое могло бы быть «правдой секса» (М. Фуко), продуцируется посредством регуляторных практик, производящих «связные» идентичности через матрицу «связных» гендерных норм. Поскольку культурная матрица требует, чтобы определенные виды идентичностей не существовали, Батлер утверждает, что имеет место некий кризис гендера, одна из причин которого состоит в том, что нормативная сексуальность подкрепляет нормативный пол. Исследовательница доказывает: в унаследованном дискурсе метафизики гендер оказывается перформативным, т. е. в определенном смысле гендер всегда «созидание»: «Нет гендерной идентичности за выражениями гендера, идентичность перформативно конституируется теми самыми «выражениями», которые, как уже говорилось, являются ее результатами» [3, с. 33].

Различие между тем, что природно и что искусственно («культурально»), отражено также в трактовке социальных идентичностей

и ролей, ассоциируемых с ними. Р. Гудинаф полагает, что идентичность – это аспект социального в противопоставлении личному – «Эго». В этой перспективе социальная структура состоит из акторов, которые ведут себя в соответствии с различными социальными идентичностями. Последнее приводит, как указывает И. Копытофф, к дальнейшей разработке понятия социальной идентичности, разработке отличий экзистенциальной социальной идентичности и идентичности, основанной на определенной роли [7]. Следовательно, некоторые социальные идентичности в культуре определены в зависимости от того, чем люди являются в фундаментальном смысле (отец, мать, священник), что отлично от тех идентичностей, которые базируются на ролях (врач, учитель, судья).

Таким образом, в западной культуре некоторые роли имманентны экзистенциальной идентичности отца или матери; в идентичностях, основанных на ролях, каузальные взаимоотношения обратны: индивиды являются тем-то и тем-то, потому что они делают то-то и то-то. Следовательно, идентичность условна, она исчезает, когда меняется роль; как пишет Копытофф, идентичность – это ярлык роли. Добавим, что кризис гендерной идентичности на постсоветском пространстве ярко продемонстрировал: роли и характерные черты, которые определены как имманентные экзистенциальной идентичности, остаются относительно неизменными и с большим трудом поддаются социальному пересмотру. Люди (мужчины и женщины), как правило, не приветствуют изгнание из экзистенциальной идентичности устойчивых имманентных черт, также сопротивляясь и добавлению новых.

В то же время Д. Гилмор, рассматривая культуральные концепты маскулинности, пишет, что в отличие от женственности истинная мужественность не есть простая анатомическая принадлежность к полу, то есть она есть не естественное условие, наступающее автоматически по мере биологического созревания, а некое неустойчивое или искусственно созданное состояние. Хотя женщины в любом обществе оцениваются по довольно жестким стандартам, замечает Д. Гилмор, редко статус женщины подвергается оценке как целое. Женщины с недостатком нормативных женских качеств или с наличием девиантных черт могут быть названы неженственными, но редко весь комплекс их прав на женскую идентичность подвергается сомнению в столь драматичной и публичной форме, как у мужчин. При этом исследователь под-

черкивает, что, возможно, разницу между мужчинами и женщинами не следует преувеличивать, поскольку женственность также достигается женщинами, что ищут социального одобрения. Но как социальный образ женственность предполагает украшение тела, сексуальную соблазнительность и другие внешние по форме виды поведения, которые скорее подчеркивают, чем создают неотъемлемые качества атрибутов пола [8, с. 19–20]. Таким образом, по Гилмору, женственность чаще представляются как биологическое качество, которое подчеркивается и усиливается с помощью средств культуры.

Таким образом, одна из ключевых проблем, которую ставят сегодня исследователи гендера, звучит следующим образом: принимая как должное тот факт, что большинство обществ разделяет идею о том, что «быть женщиной» – это экзистенциальная идентичность с набором имманентных черт, мы должны задать вопрос: сколько таких имманентных черт существует и какие они, или (что проще) согласиться с тем, что проблема женских ролей не в том, признает ли общество женщин в качестве отличных от мужчин (что, несомненно, так), но в том, как общество организует все «иное» вокруг этих различий.

Следовательно, интерпретация частной репрезентации гендера должна основываться на том, является ли гендер (сам по себе) тем, что репрезентируется в общем смысле, или же некоторые особые аспекты гендерных отношений анализируются в специфическом ракурсе. В последнем случае, полагает Э. Шлегель, женщины и мужчины могут репрезентировать самих себя, но могут также обозначать другие принципиальные вещи, становясь «масштабно» метафорами социальных отношений. То, как индивид интерпретирует ту или иную особую репрезентацию гендера, зависит от понимания того, как эта репрезентация, выражение отношения или веры, мифические образы и т. д. соотносятся со сложной схемой отношений в «социальной вселенной двух полов» [8].

Здесь необходимо вновь обратиться к Дж. Батлер, к ее понятиям перформативности и цитации. Поскольку первая идея достаточно хорошо известна, представляется уместным остановиться на второй – «citation», которую Дж. Батлер вводит для объяснения того, как перформанс извлекает свою силу из дискурса посредством повтора «авторитетных значений». Ученые, работающие в теоретическом поле дискурсивности, показывают связь «Я» («Self») как

рефлексивного проекта с другими индивидами, взаимосвязь разных индивидуальностей: акторов и «актеров». Ученые полагают, что эта взаимосвязь построена на нормах, которые представляют собой особые интерпретативные «репертуары». Э. Гидденс, например, определяет рефлексивное «Self» как «процесс, в котором «Self»-идентичность конструируется рефлексивным порядком «Self»-нарративов. Этот процесс, по мнению Л. Дейтс, артикулируется в интерпретативных репертуарах, в которых «нормальность», выбор и достоверность (аутентичность) являются тремя главными суждениями [4, с. 227].

Поскольку человек есть «животное, рассказывающее истории», быть человеком означает иметь «историю» и рассказывать ее. Наиболее фундаментальная внутренняя культуральная «история», взаимодействующая со всеми другими культуральными нарративами, – это нарратив гендера. Бытующие в каждой культуре убеждения о биологической обусловленности являются, как пишут ученые, глубинной частью повествовательной «истины», принадлежащей этой культуре [2, с. 419].

Исследователи называют одиннадцать главных стереотипов фемининности в репрезентации писателей и критиков-мужчин: бесформенность, пассивность, нестабильность, ограниченность, набожность, материальность, духовность, иррациональность, податливость и, наконец, «две неисправимые фигуры»: Ведьма и Сварливая женщина. В ходе тонкого анализа произведений женщин-писательниц исследователи гендера убедительно демонстрируют, во-первых, то, что концепты маскулинности и фемининности являются социальными конструктами, которые не относятся к реальной «сути» мира, и, во-вторых, что фемининные стереотипы, которые описываются, неизбежно деконструируют самих себя. В «практических» иллюстрациях тех произведений, которые ученые-феминисты анализируют, они убедительно показывают, как стереотипная женщина может быть одновременно идеальной и ужасной, инклюзивной и эксклюзивной.

Безусловно, очень важно то, каким образом гендерная принадлежность входит в нарратив «Self» и определяет его. В качестве литературного нарратива, содержащего множество гендерных нарративов, возьмем, к примеру, «постсовременный» роман известного американского писателя Джона Ирвинга «В одном лице» («In One Person»). История главного героя Билли, бисексуальность ко-

того автор прослеживает с отрочества, разворачивается на фоне двух театров – городского и школьного. Репертуар и первого, и второго включает, в основном, те пьесы Шекспира, где гендерная амбивалентность всегда – эксплицитно или имплицитно – выражена. В первом театре один из ведущих актеров – дедушка главного героя – исполняет с неизменным успехом женские роли; во втором случае – это театр мужской школы – женские роли исполняют, как правило, мальчики. Например, нарратив «Двенадцатой ночи», выбранной, безусловно, не случайно (сама пьеса не раз запрещалась в Англии к постановке), входит в сюжетную ткань нарратива романа. Главный герой исполняет роль Себастьяна, брата-близнеца Виолы, очень похожей на своего брата; именно поэтому окружающие принимают Себастьяна за Виолу, которая тем не менее на протяжении действия пьесы называет себя Чезарио; таким образом Виола – дважды трансвестит. В «Буре» Шекспира Билли играет роль Ариэля – «воздушного духа», гендер которого полиморфен и заключается не в «природе», но в «одежде» («*habiliment*») [6, с. 91].

Страсть героев к «переодеванию» – также нарратив романа. Мама главного героя «подыгрывает» будущему отцу Билли в его «примеривании» женской одежды; его дедушка демонстрирует гендерный маскарад вплоть до своих последних дней; самый мужественный персонаж, которого боится и обожает вся школа, образец маскулинности Киттридж оказывается трансвеститом, ставшим затем откровенным геем, и т. д. Бесспорно, главный нарратив «В одном лице» – романа о любви и воспитании – это нарратив гендерной/сексуальной идентичности, включающий в себя все ключевые дискурсы сексуальности второй половины XX в., в том числе и дискурс перформативности.

Исследователи гендера и сегодня, спустя два десятилетия после выхода в свет «Гендерного беспокойства», проблематизируя гендер как эссенциалистскую категорию, соглашаясь с идеями Батлер или оспаривая их, как правило, не опровергают главный тезис Дж. Батлер о том, насколько проблематично и перформативно может быть утверждение универсальности, «вызывающей в воображении реальность, которая не существует, и предлагающей схождение в одной точке культурных горизонтов, которые еще даже не встретились» [3, с. 17].

Главная метафора Батлер – «*drag*» – переодевание мужчины в женскую одежду, которая всегда присутствовала в «высоком» ис-

кусстве, сегодня органично вошла в дискурсы массовой литературы. И здесь один из самых ярких примеров последнего десятилетия – «Леди Гага» с ее программным заявлением «Я не реальна, я – театр» («I am not real, I am theatre»). В сентябре 2011 года на церемонии награждения MTV Леди Гага появилась в мужском наряде трансвестита. Она, оставаясь в этом образе в течение всей церемонии, произнесла длинный монолог от лица «друга» («boy-friend») Гага, флиртовала с Бритни Спирс и т.д., одних удивляя своими чудачествами, других восхищая [11, с. 9]. Леди Гага и то, что исследователи называют сегодня «gaga feminism», безусловно не возникло ниоткуда: стоит вспомнить хотя бы таких ее предшественниц, как Йоко Оно и Грейс Джоунс, но именно Леди Гага предлагает сегодня новые формулировки гендерной политики для нового поколения начала XXI века, именно Леди Гага является сегодня символом нового феминизма. Сравнивая Леди Гагу с Энди Уорхолом, критики утверждают, что она репрезентирует «канал трансляции» новых отношений между культурой, визуальностью, рыночностью и «квир»-ностью; «message» Гага позволяет ей быть средством «исполнения» особых тел, гендеров, желаний, коммуникативных потоков и каналов. Последнее является еще одним свидетельством актуальности и востребованности самой проблемы гендерной идентичности, бесспорно, очень сложной, поскольку гендерная референция затрагивает не только социальную категорию, но и прочувственное осознание своего «Я», культурно обусловленную и сконструированную субъектную идентичность человека – мужчины и женщины.

Литература:

1. Оукин С. М. Гендер: публичное и приватное / С. М. Оукин // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб. : Алетейя, 2004. – С. 920-945.
2. Уилер Г. Гештальттерапия постмодерна: за пределами индивидуализма / Г. Уилер. – М. : Смысл, 2011. – 464 с.
3. Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – New York and London : Routledge, 1999. – 221 p.
4. Daits L. Multy-Girl Culture: An Ethnography of Doing Identity / L. Daits. – Amsterdam University Press, 2008. – 298 p.
5. Friedan B. The Feminine Mystique / B. Friedan. – New York and London : Norton and Company, 2001. – 592 p.
6. Irving J. In One Person / J. Irving. – London : Beach Swan, 2012. – 621 p.

7. Kopytoff J. Women's Roles and Existential Identities / J. Kopytoff // Beyond the Second Sex. New directions in the anthropology of gender. – Eds. P. R. Sanday, R. G. Goodenough. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – P. 79–86.

8. Schlegel A. Gender Meanings: General and Specific / A. Schlegel // Beyond the Second Sex. New directions in the anthropology of gender. – Eds. P. R. Sanday, R. G. Goodenough. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – P. 21–42.

9. Spivak G. Ch. Scattered Speculations on the Question of Value / G. Spivak // In Other Worlds. Essays in Cultural Politics. – New York and London: Routledge, 1998. – P. 154–175.

10. Zack N. Inclusive Feminism. A Third Theory of Women's Commonality / N. Zack. – Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2005. – 191 p.

11. Halberstam J. I. Gaga Feminism. Sex, Gender, and the End of Normal / J. I. Halberstam. – Boston: Beacon Press, 2012. – 157 p.

12. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Д. Гилмор. – М.: РОССПЭН, 2005. – 264 с.

Власова Т. І. Криза гендерної ідентичності в наративах та дискурсах постмодерну

Взаємодія «Я» з різними проектами особистості ґрунтується на нормах особливого інтерпретативного «репертуару». Рефлексивне «Я» («Self») визначається як процес, у якому гендерна ідентичність конструюється через рефлексивний порядок «селф»-нарративів.

Ключові слова: ідентичність, гендер, «селф», наратив, перфомативність, цитатія, репрезентація, «gaga» – фемінізм.

Vlasova T. I. The crisis of gender identity in the arratives and discourses of postmodernism.

The dramatic changes in the world's culture, politics, and economy have had an essential impact on the deep structures of an individual's «Self», whatever gender it might be.

The interconnection of «Self» with other individuals' projects is based on the norms of special interpretative «repertoire». The reflexive «Self» is defined as a process in which gender identity is being constructed by means of the reflexive order of «Self»-narratives.

A person – man or woman – is said to be «an animal telling stories», so to be human means to possess «a history» and to tell it. The most fundamental internal cultural «history», interacting with all the other cultural narratives, is a narrative of gender. Of great importance is the way in which gender enters the narrative

of «Self» and determines it. As an example of the narrative including many gender histories the novel «In One Person» by J. Irving is analysed. The novel about love and social education, «In One Person» is a narrative of gender/sexual identity including all the key discourses of sexuality in the end of the XXth century. One of the most vivid examples at the beginning of the new millennium is Lady Gaga, a symbol for a new kind of feminism, the cultural practices for a new generation. Researchers stress that Lady Gaga as both a media product and a media manipulator has become the vehicle for innovative deployments of femininity representing it by pop performances characterized by their excess, their loss of control and a «maverick» sense of bodily identity. The latter is one more evidence of the importance of the very problem of gender identity: gender references interfere not only with social categories but also with the deep-conscious «I», culturally constructed «Self» of an individual – both man and woman.

Key words: *identity, gender, self, narrative, performance, citation, representation, gaga feminism.*